

А.С. Сенявский

д.и.н., гл.н.с, Институт экономики РАН, Москва

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО УРБАНИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (СТРУКТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация. Экономика – одна из подсистем любого социума, обеспечивающая материальные и функциональные условия его существования и развития, которые разворачиваются в пространстве и во времени. Освоение пространства, его «социализация» всегда происходили комплексно, путем заселения, строительства поселений на территориях, позволявших вести тот или иной тип хозяйства, обеспечивавшего возможность жизни и демографического воспроизводства. Период генезиса государственности дал старт сдвигам и в структурировании социального пространства: началось формирование нового типа поселений – городов, их распространение на территориях – урбанизация. Данное явление носило исторический и цивилизационный характер, то есть определялось стадией развития и экономическим уровнем общества, а также его этносоциокультурными особенностями. Огромную роль играли геоэкономические и геополитические параметры развития социума, включая специфику занятой им территории (размеры и природно-климатические качества территории страны; возможность развития экономики, степень военной безопасности урбанизируемых территорий).

В статье рассматриваются некоторые теоретические аспекты проблемы, включая взаимосвязь экономики и урбанизации, факторы и периоды российского урбанизационного процесса и его экономическое содержание на разных этапах, темпы и масштабы городского освоения территории страны, обозначены современные тенденции. Показано, что в сравнении с европейской урбанизацией российская имела значительную специфику. Освоение пространства до XVIII в. шло в экстремальных внешних условиях (борьба с кочевниками), подрывавших экономический и демографический потенциал. В основе градообразования лежали преимущественно военно-административные функции государства, а экономика занимала подчиненное место. В отличие от компактного и благоприятного для жизни пространства Европы, в России приходилось осваивать и строить города в труднодоступных и неблагоприятных для жизни территориях. Военно-административные факторы в градообразовании преобладали вплоть до второй половины XIX в., экономические начали активно проявляться с началом имперской индустриальной модернизации, а в советскую эпоху именно они стали доминировать.

Ключевые слова: *город, факторы урбанизационного процесса, экономика, урбанизационный переход, урбанизированное общество.*

Классификация JEL: N53, N54, N93, N94, R12.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10110.

Введение: основные понятия

Статья посвящена вопросу о роли экономических факторов в российском урбанизационном процессе в исторической динамике на протяжении тысячелетней отечественной истории и тому, как на разных этапах происходило городское освоение и структурирование социального пространства.

В основе категории урбанизация – понятие «город». Под городом всегда понималось поселение, отличное от сельской округи функционально и даже внешним обликом. На этом общие признаки исчерпываются. Размер, число жителей, экономические параметры, административный статус, набор функций не имеют универсального значения. В разных эпохах, странах, у разных народов примерно равные по параметрам поселения могут в одних случаях считаться городом, в других нет, и, напротив, признаваться городами качественно отличающиеся друг от друга поселения. Но есть доминирующие тенденции. Общая: в одних и тех же культурах в одно время города, как правило, более крупные, нежели аграрные поселения. Но даже в поздней Российской империи и в СССР ряд сел могли быть в несколько раз крупнее многих малых городов.

Вместе с тем, изучая города, следует признать несколько методологических положений.

1) Город – явление историческое. В древности и средневековье – это оборонительная и административная функции (защищенное стенами поселение – резиденция правителя или его представителей в провинции, и лишь затем, за редким исключением, – наращивание экономических функций). Много реже – иной тип поселения с торгово-ремесленными функциями, лишь затем обретающий стены и становящийся центром сельской округи. В новое и новейшее время – сочетание административной и экономической функций (торговля; несельскохозяйственное, затем – индустриальное производство; позднее – финансы и др.; отношение к сельской округе имело значение у большинства, но преимущественно малых и средних городов в тех странах, где город еще не вытеснил деревню).

2) Город – явление этносоциокультурное. У разных народов в разные исторические эпохи свое понимание города. Поэтому в науке в качестве городов рассматривают поселения, официально признанные таковыми в данную эпоху в данной местности. В каждой из научных дисциплин подчеркивается свой набор признаков города.

С середины XX в. город оказался специальным объектом изучения как целое, хотя до этого его изучали в основном архитекторы и планировщики городов. Экономисты изучают города под своим углом зрения, как правило, узкоспециализированным [Занадворов, Занадворова, 2003; Ильин, 1982; Джекобс, 2008; О’Салливан, 2002].

Для данной статьи предлагается следующее определение: *город* – социальный институт, воплощающий одну из форм социального освоения и организации пространства, характеризующийся территориальной концентрацией людей, строений и целого комплекса функций, и качественно отличающийся от аграрно-сельских поселений разнообразием и доминирующим набором несельскохозяйственных занятий жителей. В зависимости от цивилизационно-исторических и этно-культурных условий, статуса и размеров городского поселения в состав его функций могут полностью или частично входить экистические (поселенческие), административные, экономические, социальные, культурные, религиозные, политические, и др. Исторически город проделал эволюцию от типа поселений – центра сельской округи (реже – торговой точки на пересечении путей) с обязательной военно-оборонительной функцией до крупных полифункциональных центров, сосредоточивающих многообразные с разной степенью развития функции.

Города могут быть классифицированы по разным основаниям и подразделяться на типы по размеру (численности жителей), по доминирующим функциям и др. В любой стране развивается сеть городов, осуществляющая социальное структурирование пространства и включающая иерархию поселений по величине (крупные, средние, малые города и поселки) и значимости в структуре (столичные, региональные, местные центры). Как правило, чем крупнее город, тем выше его статус в государстве, набор функций и экономический вес.

Как соотносятся экономика и город? Советский историк П.Г. Рындзюнский, изучавший градообразование в России XVIII в., считал, что город – категория не экономическая.

«Центр тяжести в его определении не лежит в области экономики, тем более сведенной до рассмотрения лишь отраслевого своеобразия, он расположен в социально-экономической сфере во всей ее полноте и не меньше того определяется общественно-правовой, идеологической и культурной сферами [Рындзюнский, 1984. С. 109]. Значительная часть советских историков находилась под влиянием марксистских шаблонов, исповедуя сугубо материалистический, причем идеологизированный, подход. Так, многие даже для позднефеодальной России XVIII в. считали признаком города наличие рабочих (хотя бы и крепостных мануфактур), любых «промышленных заведений», слобод и т.д. Близкой позиции придерживались те, кто считал городами торгово-промышленные поселения. Однако даже в середине XIX в. Н.А. Милютин (известный государственный деятель, в частности, внесший значительный вклад в статистическое обследование России) писал, что большинство российских городов «возникло из потребностей чисто административных», и считал их привилегированными обществами, имевшими лишь «некоторые признаки промышленной жизни», но главными отличиями от других поселений называл их административное значение, общественное устройство и гражданские права жителей [Милютин, 1851]. Современники проводили четкое разграничение между торгово-промышленными, обычно – ремесленными слободами, и городом. Сложнее стало разграничивать эти поселения в конце XIX – начале XX вв., когда строились уже огромные фабрики и вокруг них формировались целые поселения, считавшиеся официально слободами, но порой превосходившие по числу жителей, размерам, инфраструктуре и облику стоявшие рядом с ними небольшие города, иногда сливаясь с ними. На наш взгляд, более точна позиция Б.Н. Миронова, подчеркивавшего тенденцию к полифункциональности позднефеодального города, часто имевшего торгово-промышленный посад и организовывавшего прилегающую к нему сельскую округу во многих, в том числе и в хозяйственных, отношениях [Миронов, 1990. С. 17].

Имперская индустриальная модернизация радикально меняла место и вес экономических функций в жизни многих, но все-таки не большинства российских городов. Она не стала доминирующей даже в начале XX в., но превратилась в основную градообразующую и «градо-преобразующую» в советскую эпоху.

Современные города перерастают в более сложные формы, при которых их территориальные границы размываются (сохраняется лишь правовой, административный статус), а многие из них сливаются в огромные городские агломерации и мегалополисы, включающие и урбанизированную сельскую округу. (Некоторые авторы считают агломерацию наиболее зрелой формой расселения, хотя это вопрос спорный [Ланто, 1987. С. 105].

Урбанизация – универсальный термин, применяемый для обозначения образования, развития и функционирования городов, их распространения (в историческом времени и пространстве), а применительно к последним двум – трем столетиям все чаще для характеристики повышения роли городов в обществе. С нашей точки зрения, данный термин утратил смысловую определенность и не выполняет задач, решаемых четко очерченными научными понятиями. Во-первых, он исторически нейтрален и может применяться по отношению к истории любых времен и народов (как и само понятие «город») Однако, как явление историческое, оба термина наполнены качественно различным содержанием применительно к разным цивилизациям и эпохам. Во-вторых, научные дисциплины, исследующие урбанизацию (а их – не менее десятка), вычлениют в этом многогранном и сложном объекте свой предмет, рассматриваемый под углом своих специализации, задач, подходов и методов.

Следует различать градообразование и эволюцию (развитие и деградацию) городов, в основе которой – разные механизмы. Но в ранних городах (особенно древнерусских) доминирует военно-административная функция.

Принципиальный поворот в исторической судьбе и городов, и всей мировой урбанизации произошел в XVIII и особенно в XIX вв., когда был запущен процесс, постепенно, но все более радикально менявший место и роль города в обществе, да и само общество.

В конце 1980-х – середине 1990-х гг. и далее для нужд урбанистики нами было введено в научный оборот несколько категорий, призванных обозначить эти тенденции и разграничить разнородные явления, смешиваемые в прежнем аморфном понятии «урбанизация». Это такие категории, как «городское общество», «урбанизационный переход», «урбанизационный процесс», и др. (подробнее см.: [Сенявский, 2003]).

Понятие «урбанизационный процесс» подчеркивает динамику и историческую преемственность городского освоения пространства в рамках одного и того же социума или территории на протяжении длительного времени в соотношении урбанизации с историческим процессом. Так, российский урбанизационный процесс может рассматриваться как единый на протяжении более тысячелетия существования российской цивилизации. Аналогично – урбанизационный процесс в отдельных странах Европы или даже части континента (например, западно-европейский). Он может подразделяться на ряд качественно разных этапов, с иными механизмами градообразования и развития городов, урбанизации в целом. Особенно значимо здесь соотношение роли экономических и иных факторов.

Например, организационно-технологические прорывы в производственном секторе экономики, а затем и промышленный переворот, в отличие от прежних времен, превратили экономику в доминирующий фактор градообразования и развития городов, а городскую экономику – в постепенно в доминирующую в структуре всей экономики. Начавшись в Голландии и Англии (в контексте буржуазной трансформации), эти процессы стали распространяться и на другие страны. Они породили взрывной рост городов (их количества, размеров), численности и удельного веса горожан в составе населения, изменение структуры профессиональной занятости жителей, образа жизни и т.д. Сначала наиболее развитых, затем – все большего числа государств. Но и в самой экономике происходили качественные изменения: во второй половине XX в. она все более эволюционировала от экономики индустриального типа к многоотраслевой, выходящей далеко за рамки материального производства. Эти инновации и качественные трансформации происходят именно в городской экономике, которая затем (частично) ретранслирует изменения и достижения в аграрно-сельскую сферу. В развитых странах происходит урбанизация уже и сельской части поселенческой (и пространственно-экономической) структуры, преобразуемой (технологически, инфраструктурно и т.д.) и интегрируемой в единую сеть расселения.

На определенном этапе накопление таких изменений порождает новое качество не только в развитии городов, но и общества в целом. Общество превращается (экономико-технологическая составляющая) из аграрного в индустриальное (а затем и постиндустриальное). А если смотреть на процесс шире, оно перерастает в *городское общество*, в котором не только большинство граждан проживает в городах, но и вся общественная структура с ее институтами, занятостью населения и образом жизнедеятельности, типом социума, доминантной культурой, идеологическими характеристиками, политической организацией и т.д. становятся городскими. В городе и городом определяется не только вектор развития общества, страны (а затем и всемирные тренды), но и характер, темпы общечеловеческого прогресса (как и регрессивные явления в ряде областей человеческой деятельности и регионов мира). Причем темп преобразований нарастает, и в последние три – четыре десятилетия некоторые еще недавно отсталые аграрные страны вырываются в лидеры экономического роста и высокоурбанизированные сообщества. Исторический транзит от преимущественно аграрного (по доминированию экономических функций) и сельского (по преобладанию населения и типов поселений) общества к городскому может быть назван «урбанизационным переходом».

Фактически во второй половине XX – начале XXI вв. форсированными темпами происходило становление мировой *городской цивилизации*.

Экономика, геополитика и российский урбанизационный процесс: некоторые теоретические вопросы

Экономику в рамках экономической науки нередко рассматривают как нечто автономное, как самостоятельную и самодостаточную сферу общественной жизни, почти полностью абстрагируясь от других сфер. Между тем общество, подобно биологическому организму, является организмом социальным, рождающимся, развивающимся и функционирующим как единое целое, а значит, представляет собой сложную динамическую систему, в которой все уровни и подсистемы взаимосвязаны и взаимозависимы. Причем он живет не только сам по себе, но в контексте и взаимодействии с внешней средой (природной и социальной). В древности, средневековье и новое время народы совершали цивилизационный (в том числе экономический) рывок преимущественно в умеренно-сложных природно-климатических условиях (слишком благоприятные позволяли «не напрягаться», тяжелые забирали все силы и ресурсы на выживание). Жесткую зависимость экономики конкретных стран и народов от внешних (природных и социальных) факторов легко продемонстрировать на множестве исторических примеров, поскольку большинство цивилизаций погибло именно от природных катаклизмов, либо стало жертвой военных нашествий иных народов. Даже если прежние этносы не исчезали бесследно, происходил упадок их остатков: упрощение и даже примитивизация хозяйственной жизни, подчинение нормам и формам жизни завоевателей, и т.д.

Русь начинала свою историю в геополитически сложном регионе, в соприкосновении с воинственными кочевыми народами (хазары, половцы, печенег и др.), образ жизни и экономика которых строились на регулярных набегах на соседей. Резкий обвал всего цивилизационного уровня произошел в Древней Руси в начале XIII в. после нашествия кочевников и установления на два с половиной столетия монголо-татарского (Золотоордынского) ига, когда восточно-славянской народности не только пришлось десятилетиями восстанавливать экономический потенциал, но и во многом изменить уклад жизни и вектор развития. Но и после освобождения в конце XV в. постоянным фактором, разорявшим и не дававшим подняться русской экономике, являлись едва ли не ежегодные набеги с юга (походы Крымского ханства, Ногайской орды, других кочевых племен), выкачивавшим людские и материальные ресурсы из поселений южной и центральной России с XV и вплоть до второй половины XVIII в.

Ущерб экономике наносился огромный, учитывая, что ханство фактически сформировало паразитическую цивилизацию, набеговое хозяйство с целью работорговли и существовало за его счет. Людские потери русских (совокупно на территориях Русского государства и Речи Посполитой) в одном лишь XVII в. по некоторым оценкам превысило 3 млн только угнанных в рабство (без погибших и умерших от ран), тогда как все население Русского государства составляло от 7 до 11 млн человек. Совокупные потери могли составлять до половины и более всего населения, причем преимущественно молодого и здорового населения. И это без сожженных городов и сел, разграбления материальных ценностей. Поднявшаяся Российская империя лишь к концу XVIII в. сумела радикально пресечь разорительные набеги степных варваров и обеспечить условия для спокойного развития огромных южных, центральных, западных и восточных территорий страны.

Еще одно масштабное разорение России и ее экономический упадок на десятилетия стали результатом природно-климатического катаклизма конца XVI – начала XVII вв., усугубленного последовавшими затем Смутой (1598–1613 гг.) и иноземным нашествием с Запада, от которых страна оправлялась едва ли не до конца столетия. Аналогичный катаклизм произошел в начале XX в.: Первая мировая война, «простимулированная» ею (не ею вызванная) революция 1917 г., Гражданская война ввергли Россию в политическую, социальную и в экономическую катастрофу, а страна возродилась из социального хаоса

уже на принципиально иных системных (в том числе экономических) основаниях. И это только часть масштабных социальных и природных катаклизмов, сопровождавших всю историю российской цивилизации, включая ее экономическое развитие.

Таким образом, экономики нет вне человеческой цивилизации, вне времени и пространства, вне привязки к истории, конкретным странам и народам с их этносоциокультурной спецификой, типом и уровнем цивилизационного развития, с природно-климатическими и ресурсными особенностями, и т.д. Даже в современную эпоху глобализации, информатизации и вопреки предельной специализации и автономизации ряда экономических функций они остаются всего лишь отдельными функциями, обеспечивающими жизнь социумов (по крайней мере в реальных, а не виртуальных и чисто спекулятивных сегментах экономики). И сама экономика стран, народов и регионов, особенно в исторической динамике, не универсальна, а специфична по содержанию и моделям.

Важнейшим измерением жизни «социального организма» является пространство – вмещалище социумов (народов, стран, государств и т.д.), в котором происходит реализация всех сфер их жизнедеятельности, включая экономическую. В нашей теме речь идет об освоении пространства, которое всегда бывает комплексным, включает целый ряд составляющих, набор которых и сложность увеличиваются по мере развития цивилизации и конкретных стран. По мере социального освоения природного пространства происходит его социальное структурирование. Освоение пространства бывает демографическим, экистическим (поселенческим), экономическим, инфраструктурным, управленческим, собственно (узко) социальным, социокультурным, наконец, политическим.

Экономическое освоение пространства – среди важнейших и неперенных его направлений и форм в ряду прочих. Исторически первой экономически продуктивной (производительной) формой освоения пространства были аграрные поселения (скотоводческие или земледельческие), хотя они быстро дополнились (а частью шли рука об руку с) торгово-ремесленными типами поселений, особенно там, где для собственно сельскохозяйственного производства природные условия были ограничены.

Собственно, городские поселения исторически возникают тогда, когда производительные силы конкретных обществ достигают достаточно высокого уровня, обеспечивающего, во-первых, в некоторых регионах возможность прокормить значительное количество населения (а чем выше его концентрация, тем сильнее структурирование социума, включая пространственное) [Гиренко, 1991. С. 91], во-вторых, позволяющего появиться разделению труда: между сельскохозяйственным и иными видами деятельности (торговля, ремесло), включая неэкономические, прежде всего, управленческую, военную и др. функции. Появляется многообразие занятий. А главной отличительной чертой городского типа поселений и заключается в том, что «...Город непосредственно выступает как территориальная концентрация множества разнородных форм деятельности» [Ахиезер, 1995. С. 23].

Относительно высокая степень специализации имела следствием социальную стратификацию, которая стимулировала рождение прото-городов. Тем более необходима была и оборонительная функция от внешних угроз, как и необходимость защищать материальные накопления внутри социума. Делать все это проще и выгоднее в рамках более крупных поселений при значительной концентрации населения внутри ограниченного пространства.

Фактически ранние стадии урбанизации, то есть возникновение городов, и формирование государственности были взаимосвязаны. Доминирующим фактором при генезисе первичных городских поселений была все же оборонительная функция, а решающую роль в градообразовании играло государство.

Племенные центры становятся резиденциями правителей и администрации, сеть иных укрепленных поселений (прото-городов) – административными центрами сельской округи. Типичный образец ранних градообразований – древнерусские города. Само слово «город» обозначало «укрепленное поселение» в отличие от села (или веси) – деревни,

не имевшей оборонительных стен. В них присутствовал детинец или кремль (резиденция князя и высшего боярства, с административными и обслуживающими постройками), далее посад (с жильем челяди, ремесленников, торговцев, иногда внешней охраны). Посад делился на слободы, которые заселяли люди одной профессии. В зависимости от масштаба и роли в государстве город мог иметь от одной до трех – четырех линий крепостных укреплений (окруженные земляным валом с деревянными стенами или частоколом, либо каменными стенами, нередко имевшими на внешней стороне ров). Они в случае вражеского нашествия становились убежищем для всех горожан (включая жителей посада, если могли и успевали их вместить), иногда для части сельского люда малой округи. Но укрыть всех они были не способны: горожане в домонгольской Руси составляли от 1 до 2% всего населения, а жители деревень – 98–99% всего населения.

Количество внешних укрепленных стен возрастало по мере роста города при наличии внешней опасности. Например, исторически последний земляной вал с деревянным частоколом «Скородом» или «Земляной город» вокруг Москвы после опустошительного набега крымских татар в конце XVI в. за один год построил Борис Годунов, а восстановленный после пожаров периода Смуты он не утратил фортификационного значения вплоть до конца XVII столетия.

Однако не меньшее значение, чем оборонительный потенциал местности, для появления в ней городского поселения имело и ее удобное географическое положение, способное обеспечить экономические функции: на пересечении торговых путей, с богатой сельской округой, и т.п.

Почти все древнерусские города возникают в качестве военно-административных центров (от «прото-городов» – поселенческих центров восточно-славянских племен VII–IX вв. н.э. и военно-административных центров Древнерусских княжеств X–XIII вв. и далее, вплоть до позднеимперского времени). Судьба их различна. Многие наращивали иные функции, прежде всего, экономические. Другие со временем теряли статус города вместе с утратой своего военного и/или административного значения по мере изменения границ государства, если не имели выгодного географического положения и потенциала для экономического развития. В отличие от Западной Европы абсолютно доминирующим механизмом градообразования в России были потребности (военные, управленческие, реже – экономические и др.) и волеизъявление государства, которое, как правило, определялось объективными условиями.

На ранних этапах (вплоть до конца XVIII в.) это жесткое противостояние со «степью» – кочевыми и полукочевыми государствами востока и юга, изматывавшими и разорявшими и Древнюю Русь, и уже централизованное Российское государство, и даже раннюю империю систематическими набегами и обложением данью. Если последний поход на Москву из Крымского ханства (1441–1783 гг.) с отбитой осадой состоялся при царе Федоре Иоанновиче в 1591 г., то опустошительные крымско-ногайские набеги на приграничные (и не только) русские земли совершались практически каждое лето XVI и XVII вв. и продолжались почти до ликвидации Крымского ханства. Значительная часть территории страны постоянно оказывалась в зоне боевых действий и мародерства кочевников, военного давления Турции.

Но разорительны были и масштабные походы агрессоров с Запада (немецкие рыцари, шведы вплоть до начала XIX в., польско-литовские интервенты начала XVII в. и позднее, наполеоновское нашествие, французы и англичане в Крымской войне, две мировые войны против Германии и ее сателлитов в XX в.). С XIX в., при сохранении значимости южного направления (Османская Турция, Кавказ, Средняя Азия), на первый план выходит противостояние с модернизирующейся Европой. Ее Россия, веками разоряемая «степью», а затем и нашествиями с Запада, ослабленная и задержавшаяся с реформами, вынуждена была догонять.

Наукой недооценивается тот факт, что *на протяжении многих веков русское (затем российское) государство, вся страна и ее народ фактически жили в экстремальном режиме военного времени, не имея возможности спокойно и полноценно развиваться, а экономика была во многом военной экономикой.* Неслучайно в русском национальном самосознании в ряду системы ценностей сильная централизованная государственность стоит на одном из первых мест.

В русском государстве, по мере его централизации, укрепления и расширения границ, постепенно падало оборонительное значение городских фортификационных сооружений для внутренних территорий. Закономерным явлением на осваиваемых землях было формирование новой городской сети из укрепленных пунктов и острогов. Военно-оборонительная функция была первой и главной, определявшей в том числе и первоначальную экономическую жизнь таких поселений. Огромная часть из скудных ресурсов тратилась на сооружение и поддержание засечных черт и крепостей, производство и закупку оружия и военного снаряжения, на содержание войск и ополчений. Решение этих задач особенно осложнялось из-за отсутствия богатых рудных месторождений. До начала XVII в. металлургия ограничивалась кустарным производством болотного железа (цветные металлы на Руси почти полностью были привозными). Лишь создание доменных печей под Тулой, освоение рудных месторождений и строительство заводов на Урале принципиально изменило ситуацию. Достижения в металлургии (особенно черной) и в оружейном производстве стали основой военно-политических успехов Российской империи XVIII в.

Решение геополитических проблем, отодвигание российских границ в наиболее опасных направлениях, с которых происходили систематические нападения или регулярные масштабные вражеские нашествия, решало одновременно и геоэкономические проблемы, обеспечивая безопасное экономическое развитие внутренних регионов страны, позволяя вводить в оборот и осваивать ранее недоступные для ведения хозяйства земли, строить новые города, продвигать новые торговые (сухопутные, речные, а затем и морские) пути, и т.д. А фортификационные сооружения в XVIII–XIX вв. стали создавать уже на морских форпостах империи, в том числе для защиты столицы Петербурга (Кронштадт), в Крыму, во Владивостоке и др.

В отличие от Европы с относительно малой, благоприятной для жизни и плотно заселенной территорией, с множеством этносов и государств, в России всегда существовала «размазанность» населения, ресурсов по огромным территориям, огромные расстояния между городами, снижение их числа и плотности размещения к северу, северо-востоку и особенно востоку от исторического ядра русского государства. Отсюда и несоизмеримые с Западной Европой транспортные издержки, потери социального времени на перемещение в пространстве, неразвитость транспортной инфраструктуры, в том числе плотность дорожной сети, вынужденное использование вплоть до конца XIX в. преимущественно водных путей, и т.д. Отсюда и преимущественно линейно-узловой (в том числе экономически вынужденный) характер освоения территорий, концентрация населения в городских центрах.

Вплоть до конца XVIII в. присоединение территорий к русскому государству шло в основном на Восток и Юг (леса и степь) с безлюдными и малолюдными землями, находившимися под угрозой нападения соседей. Поэтому главным механизмом градообразования оставалось военно-административное. С XVII в. и XVIII вв. пошло также продвижение на Запад и Юго-Запад (поэтапное вытеснение Речи Посполитой с исторически русских земель, присоединение Прибалтики, Северного Причерноморья и Крыма, XIX в. – покорение Кавказа, присоединение Средней Азии, и др.). Здесь на многих территориях уже существовали городские поселения, включавшиеся в общегородскую сеть страны, но образовывались и новые, игравшие уже не только роль военных форпостов, но и (особенно в перспективе) сочетавших роль административных и экономических центров территорий разного уровня.

Рост городов (также как и территорий) был не только поступательным. Параллельно с процессом градообразования на новых землях и небыстрого развития некоторой части старых центров шел процесс частичного угасания старых городов. По мере расширения границ государства значительная часть прежних городов, оказывавшихся в глубине территории и не имевших для развития иных предпосылок (административного значения центра территории, удобного положения на водных путях, выполнявшего роль транспортного узла, местных условий для ремесел и промыслов, иных экономических возможностей и др.), теряла население, функции, а затем и городской статус. Такое нередко происходило и в имперской, и в советской, и в современной России, когда одновременно менялся статус десятков и даже сотен городов.

Если до второй половины XIX в. в градообразовании абсолютно доминировали военно-политические и административные факторы, то с началом промышленного переворота 1830–1860-х гг. роль экономических факторов в урбанизации стала нарастать, хотя и не стала преобладающей вплоть до краха империи. Даже в конце XIX – начале XX в. исследователи констатируют весьма низкий уровень урбанизированности и невысокие темпы урбанизационного процесса в России, а в функциональной структуре городов – сохранение приоритетности не экономических, а административных функций [Кошман, 2008. С. 177–178].

Только в советский период, начиная со второй половины 1920-х гг., когда начался переход к форсированной индустриализации, экономические факторы стали абсолютно доминирующими в градообразовании и развитии городов. (Хотя нужно иметь ввиду и идеологическую составляющую, пересекавшуюся на практике с экономической: советская власть рассматривала, по меньшей мере до конца 1950-х гг., в качестве своей надежной социальной опоры прежде всего индустриальный рабочий класс, и городской статус привязывался к проценту занятых в несельскохозяйственных сферах, особенно в промышленности. Аналогично крупные республиканские и региональные административные центры стремились связать с промышленными центрами).

В течение почти тысячелетия развития российской государственности урбанизация преимущественно стимулировала экономическое развитие, со второй половины XIX в. она сама все больше от него зависела, а в XX в., особенно с конца 1920-х гг., она в основном превратилась в продукт экономического развития, в результат экономического освоения и структурирования социального пространства. Так, феномен моногородов являлся следствием размещения конкретных производств, редко – иных видов экономических организаций (рекреационных, научных и т.д.) Хотя, безусловно, сохранялось и обратное влияние городского развития на экономику: сложные производства, научные и высшие образовательные учреждения стремились размещать там, где были неплохая инфраструктура, достаточный кадровый потенциал, то есть высокий культурно-образовательный уровень населения, квалифицированные трудовые ресурсы. Обычно это были относительно крупные города, хотя могли быть и небольшие, если размещались производства и учреждения особого значения, связанные с секретными разработками в сфере атомной энергетики, космоса, обороны и т.д. (ЗАТО – закрытые административно-территориальные образования: Арзамас-16, Загорск-6 и Загорск-7, Челябинск-65, и др.)

Экономическая доминанта (особенно с военно-оборонительным уклоном) советской урбанизации в условиях враждебного капиталистического окружения, затем – в контексте Второй мировой войны, затем – почти полувековой холодной войны на грани с «горячей», накладывала отпечаток на весь урбанизационный процесс, на функции и облик советских городов. Бедность, нехватка и убогость массового жилья, неразвитость инфраструктуры, включая социальную, ограниченность условий для занятости населения и проведения досуга, и т.п. – все это ставится в укор советской урбанизации. С этим можно согласиться, но нельзя согласиться с тем, что некоторые исследователи советские города называют псевдо-городами, а модель урбанизации – ущербной.

В тех жесточайших исторических условиях, при острейшем дефиците всех видов ресурсов, когда главной задачей было физическое выживание страны и ее народа в противостоянии несоизмеримо более сильным геополитическим противникам, форсированное развитие было инструментом главным образом обеспечения обороноспособности, а на всем остальном предельно экономили. В том числе и на городской инфраструктуре.

Однако за семь десятилетий образовано и отстроено городов много больше, чем за всю тысячелетнюю историю России. С 1926 г., когда произошло восстановление довоенного соотношения городского и сельского населения, по 1989 г. число всех городских поселений (включая поселки городского типа) выросло с 1925 до 6216, или более чем в 3,2 раза, число собственно городов – с 709 до 2190, или более чем в 3 раза. Существенно изменилось соотношение городов разной величины. Так, удельный вес городов с числом жителей до 50 тыс. сократился в общей численности городов с 87,2 до 73,6%, то есть на 13,6%, тогда как доля всех прочих, более крупных городов, увеличилась: городов размерами от 50 до 100 тыс. жителей с 8,5 до 12,9%, от 100 до 500 тыс. жителей – с 3,9 до 10,9%, от 500 тыс. и выше – с 0,4 до 2,7%. Если в 1926 г. было всего лишь три города, насчитывавших более 500 тыс. жителей (Москва, Ленинград, Киев), то в 1989 г. общее их число составило 57, причем 23 из них – с населением свыше 1 млн. Численность жителей всех городских поселений выросла с 26,3 до 188,8 млн, или в 7,2 раза, жителей городов – в 7,6 раза, с 21,7 до 164,7 млн. При этом наибольшими темпами росли численность и удельный вес крупных городов, с численностью жителей 500 тыс. и более, особенно «миллионников», меньшими темпами – городов от 100 до 500 тыс. Увеличивалась численность жителей и меньших по размерам городов, однако доля их в составе всех горожан уменьшалась неуклонно¹. К концу 1980-х горожане составляли почти $\frac{3}{4}$ всего населения (к 1917 г. – менее $\frac{1}{5}$).

На советском этапе урбанизационного процесса было сделано фантастически много, а страна достигла высшей степени своего развития, международного влияния и внешней безопасности (но не внутренней). В рамках иной модели такое достичь было бы невозможно. Несколько поколений советских людей пожертвовали собой, качеством своей жизни (а миллионы – и самими жизнями) с тем, чтобы следующие поколения жили достойно. Не их вина, что и их наследство, и тысячелетнее наследие российской цивилизации за считанные годы в значительной степени было пущено на ветер.

Узловой характер освоения территорий был связан отнюдь не со спецификой советской системы, а с огромными пространствами, крайне разнородными по природно-климатическим условиям и ресурсным потенциалам, по этносоциокультурным характеристикам населения и историческому укладу жизни, что, несомненно, влияло и на экономическую динамику макрорегионов. Вместе с тем их административно-политическое деление по национальному принципу вносило дополнительные осложнения во всю картину. Почти в каждом из них формировались свои крупные городские центры и агломерации, стягивавшие ресурсы и население, хотя республиканские границы усложняли и тормозили эти процессы. В противовес этому советские ученые разрабатывали концепцию Единой системы расселения, призванную упорядочить и обеспечить рациональное развитие всех имеющихся на территории категорий поселений. Более того, в Литовской ССР проводился эксперимент, имевший значение для всего Союза: ученые и руководство республики пытались планомерно выстроить гармоничную систему расселения, не позволяя республиканской столице выкачивать ресурсы из всей республики, а, напротив, создать иерархичную систему городских и сельских поселений, более или менее равномерно рассредоточенных по территории с благоприятными для всех типов городов и сел инфраструктурными и дру-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М., 1962. С. 35–36; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1980. С. 122; Население СССР. 1988. Стат. ежегод. М., 1989. С. 4.

гими условиями для жизни в городской среде [Хореев, 1975. С. 144–151]. Проводившийся эксперимент оценивали как весьма удачный и перспективный для распространения и в других республиках и регионах СССР. Но такой подход был возможен лишь в рамках плановой советской модели развития.

Постсоветские процессы в городском развитии

Постсоветскую урбанизацию следует рассматривать в общем контексте трансформации 1990-х и последующих десятилетий. Она во многом является продуктом, с одной стороны, той геополитической и геоэкономической катастрофы, которая произошла вместе с распадом СССР. С развалом СССР, с отделением 14 союзных республик произошло разрушение и нарушение единых: территориальной структуры, в которой свое место занимали ряд крупных регионов (Прибалтика, Украина, Белоруссия и Молдавия; Закавказье, Средняя Азия); территориально-производственного комплекса страны, в котором действовали сложные системы разделения и кооперации производств, в том числе макрорегиональные; территориально-поселенческой структуры, сложившейся в Советском Союзе, с иерархией городских центров разного уровня (столица Союза, столицы республик, административные центры краев и областей, и т.д. с соответствующей функциональной нагрузкой и местом в территориально-функциональных связях).

С другой стороны, она побочный продукт деиндустриализации как следствие разрушения единого народнохозяйственного комплекса СССР и перехода экономики в квазирыночный режим на основе приватизации, проведенный не для того чтобы «создать эффективного собственника», а как признавалось позднее – с политической целью «обеспечить необратимость перемен». В итоге произошел обвал многих, в том числе высокотехнологичных, отраслей, которые могли стать локомотивами нового витка модернизации. Обанкротились и предприятия с массовым производством, обеспечивавшим занятость во всех типах российских городов, включая моногорода.

Общую картину можно обозначить как урбанизационный застой с элементами дезурбанизации: за три десятилетия удельный вес городского населения не вырос, но колебался на уровне 73 – 74%, многие малые и средние города теряли потенциал для развития, а с ним и население. Но процесс оказался более сложным, неоднозначным, разновекторным.

Обозначим здесь только одну из ряда, на первый взгляд, позитивных тенденций – рост преимущественно немногих крупных региональных полифункциональных центров. В действительности, эта тенденция означает стягивание в немногие точки людских, финансовых, материальных и прочих ресурсов со всего постсоветского пространства (не только РФ) в ущерб системе расселения и размещения производительных сил, причем как городов, так и сельской местности.

Яркий пример – «раковая опухоль» столичного региона: стягивание функций и населения в Москву и Московскую область. Столица и столичный регион перетягивают на себя функции, особенно административные; сосредоточивают финансовые, товарные потоки, наиболее высокотехнологичные производства, высококвалифицированные кадры; как пылесос, втягивают в себя ресурсы, прежде всего финансовые, трудовые и т.д., обеспечивают основной объем жилищного строительства, развития региональной инфраструктуры. Невозможность вместить в себя разрастающийся объем социальной материи и энергии в прежних границах привел к беспрецедентному увеличению административно-территориальных размеров города.

Такие процессы влекут за собой, в том числе в длительной перспективе, негативные последствия как для самой Москвы (и региона), ухудшая экологию, комфортность среды

обитания для жителей, транспортную доступность (и потерь социального времени) из-за гигантских расстояний, пробок и т.д., необходимость развивать и одновременно вкладывать огромные средства на развитие инфраструктуры, и т.д. Еще более негативные последствия эти процессы имеют для всей России: обезлюдение пространств начиная от дальнего Подмосковья и до дальних окраин страны. Демографические последствия: иноэтничный, иноконфессиональный и инокультурный миграционный поток из ближнего и дальнего зарубежья, который столица не способна переварить, с целым комплексом проблем в перспективе. Геоэкономический негатив: территориальное расслоение страны, опасный разрыв в экономическом уровне, качестве жизни населения, ухудшение стратегических условий для экономического развития большинства регионов, фрагментация единого экономического пространства страны. Геополитический негатив: чужеродная колонизация российских пространств («свято место пусто не бывает») с перспективой: раньше или позже «придут и возьмут» (исламская, китайская угроза и др.). Среди кумулятивного отсроченного эффекта – ослабление скреп российского государства (геополитических, геоэкономических, цивилизационно-социо-культурных, этнических – подрыв жизненного потенциала имперского этноса, станового хребта российской государственности – русского народа, и не только его; и др.), рост центробежных тенденций с угрозой распада страны и др.

Общий прогноз неутешителен: основная часть населения будет и дальше стягиваться в столичный регион и несколько мегаполисов с деградацией остального социального пространства по типу развивающихся стран [Ореховский, 2018, С. 64]. Но и этот прогноз усугубляется российской спецификой: нигде больше нет таких огромных, большей частью и без того малозаселенных территорий, которые к тому же расположены относительно недалеко от стран-соседей с бурно растущим населением. А природа не терпит пустоты... То есть речь идет не только о деградации социальных пространств, которые веками осваивали наши предки, но в перспективе и о судьбе российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахиезер А.С. (1995). Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса / Под ред. Э. В. Сайко, М.: Наука. С. 21–28.
- Гиренко Н. М. (1991). Социология племени. Л.: Наука.
- Глазычев В.Л. (2008). Урбанистика. М.: Европа.
- Джекобс Дж. (2008). Экономика городов. Новосибирск: НП «Сибирская Гильдия девелоперов и управляющих недвижимостью».
- Занадворов В.С., Занадворова А.В. (2003). Экономика города. М.: ИКЦ «Академкнига».
- Ильин И.А. (1982). Экономика городов: региональный аспект развития. М.: Наука.
- Кошман Л.В. (2008). Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Лапто Г.М. (1997). География городов. М.: Владос.
- Лапто Г.М. (1987). Города на пути в будущее. М.: Мысль.
- Милютин Н.А. (1851). Число городских и земледельческих поселений по России // Сб. стат. сведений по России. СПб.
- Миронов Б.Н. (1990). Русский город в 1740-1860-е гг. Л.: Наука.
- Миронов Б.Н. (2000). Социальная история России. Т.1. СПб.: Дм. Буланин.
- Ореховский П.А. (2018). Структура социального пространства и ее влияние на инвестиции и депопуляцию в российских регионах // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 48–67.
- О’Салливан А. (2002). Экономика города. 4-е изд.: Пер. с англ. М.: ИНФРА-М.
- Рындзюнский П.Г. (1976). Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город. Вып. 1. С. 105–127.
- Сенявский А.С. (2003). Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука.
- Трубина Е. (2011). Город в теории. Опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение.
- Хорев Б.С. (1975). Проблемы городов. (Урбанизация и единая система расселения в СССР). М.: Мысль.

Сенявский Александр Спартакович

senyavsky@yandex.ru

Alexandr Senyavskiy

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow

senyavsky@yandex.ru

ECONOMIC FOUNDATION OF THE RUSSIAN URBANIZATION PROCESS: THEORETICAL ANALYSIS (STRUCTURAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS)

Abstract. The economy is one of the subsystems of any society, providing the material and functional conditions of its existence and development, which unfold in space and time. The development of space, its “socialization” always took place in a comprehensive manner, by settling, building settlements in the territories, which allowed them to conduct one type of economy or another, providing the opportunity for life and demographic reproduction. The period of the genesis of statehood gave a start to shifts in the structuring of social space: the formation of a new type of settlements – cities began, their distribution in the territories – urbanization. This phenomenon was of a historical and civilizational nature, that is, it was determined by the stage of development and the economic level of society, as well as its ethnosocial and cultural characteristics. The geo-economic and geopolitical parameters of the development of society, including the specifics of the territory occupied by it (the size and climatic qualities of the country’s territory; the possibility of economic development, the degree of military security of urbanized territories) played a huge role.

The article discusses some theoretical aspects of the problem, including the relationship between the economy and urbanization, the factors and periods of the Russian urbanization process and its economic content at different stages, the pace and extent of urban development in the country, indicated current trends. It is shown that in comparison with European urbanization, the Russian had significant specificity. The exploration of space before the 18th century took place in extreme external conditions (the struggle against nomads), which undermined the economic and demographic potential. The basis of city formation lay primarily in the military-administrative functions of the state, and the economy occupied a subordinate place. In contrast to the compact and favorable for living space of Europe, Russia had to develop and build cities in hard-to-reach and unfavorable for living areas. Military-administrative factors in city formation dominated until the second half of the 19th century, economic factors began to actively manifest themselves with the onset of imperial industrial modernization, and in the Soviet era they began to dominate.

Keywords: *city, factors of urbanization process, economy, urbanization transition, urbanized society.*

JEL classification: N53, N54, N93, N94, R12.

REFERENCES

- Ahiezer A.S. (1995). Gorod – fokus urbanizacionnogo processa // Gorod kak sociokul’turnoe yavlenie istoricheskogo processa / [City – focus of the urbanization process / City as a sociocultural phenomenon of the historical process]. Pod red. E. V. Sajko, M.: Nauka. Pp. 21–28.
- Girenko N. M. (1991). Sociologiya plemeni [Sociology of the tribe.] L.: Nauka.
- Glazychev V.L. (2008). Urbanistika [Urbanism]. M.: Evropa.
- Dzhekobs Dzh. (2008). Ekonomika gorodov. [Economy of cities] Novosibirsk, NP \”Sibirskaya Gil’diya developerov i upravlyayushchih nedvizhimost’yu.
- Zanadvorov V.S., Zanadvorova A. V. (2003). Ekonomika goroda [Economy of the city]. M.: IKC «Akademkniga».
- Il’in I.A. (1982). Ekonomika gorodov: regional’nyj aspekt razvitiya [Economy of the city]. M.: Nauka.
- Koshman L.V. (2008). Gorod i gorodskaya zhizn’ v Rossii XIX stoletiya: Social’nye i kul’turnye aspekty. [City and city life in Russia of the XIX century: Social and cultural aspects] M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN).
- Lappo G.M. (1997). Geografiya gorodov [Geography of cities]. M.: Vlados.
- Lappo G.M. (1987). Goroda na puti v budushchee [Cities on the way to the future]. M.: Mysl’.
- Milyutin N.A. (1851). Chislo gorodskih i zemledel’cheskih poselenij po Rossii [The number of urban and agricultural settlements in Russia] // Sbornik statisticheskikh svedenij po Rossii. SPb.
- Mironov B.N. (1990). Russkij gorod v 1740–1860-e gg. [Russian city in the 1740–1860-ies]. L.: Nauka.
- Mironov B.N. (2000). Social’naya istoriya Rossii. T. 1. [Social history of Russia. T. 1]. SPb.: Dm. Bulanin.
- Orekhovskiy P.A. (2018). Struktura social’nogo prostranstva i ee vliyanie na investicii i depopulyaciyu v rossijskih regionah [The structure of social space and its impact on investment and depopulation in the Russian regions] // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. № 2. Pp. 48–67.

- O'Sullivan A.* (2002). *Ekonomika goroda*. [Economy of the city] 4-e izd.: Per. s angl. M.: INFRA-M.
- Ryndzyunskij P.G.* (1976). *Osnovnye faktory gorodoobrazovaniya v Rossii vtoroj poloviny XVIII v.* [The main factors of urbanization in Russia in the second half of the XVIII century] // *Russkij gorod*. M. Vyp. 1. Pp. 105–127.
- Senyavskij A.S.* (2003). *Urbanizaciya Rossii v XX veke: Rol' v istoricheskom processe* [Urbanization of Russia in the 20th century: Role in the historical process]. M.: Nauka.
- Trubina E.* (2011). *Gorod v teorii. Opyty osmysleniya prostranstva* [City in theory. Experience understanding of space] M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Horev B.S.* (1975). *Problemy gorodov. (Urbanizaciya i edinaya sistema rasseleniya v SSSR)* [Problems of cities. (Urbanization and unified system of settlement in the USSR)]. M.: Mysl'.